

ДЕТЕКТИВ

анна
МАЛЫШЕВА

Железный лес

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М20

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Екатерина Фerez*

Мальшева, Анна Витальевна.

М20 Железный лес : [роман] / Анна Мальшева. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 320 с. — (Задержи дыхание. Проза Анны Мальшевой).

ISBN 978-5-17-136829-6

Александра Корзухина, художница, реставратор и продавец антиквариата, получает новый заказ.

Знаменитый московский коллекционер хочет втайне распродать свою уникальную коллекцию. Его семья накануне распада, и только старшая дочь встала на его сторону... В то же время из Литвы приезжает старый знакомый Александры, с которым она вместе училась в Петербурге. Он предлагает ей авантюрный план — подделывать гербы, потерявшие хозяев, и продавать их нуворишам. Александра отдаёт предпочтение первому предложению, не подозревая, к каким роковым последствиям это приведёт...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-136829-6

© Мальшева А., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

— Приходил какой-то мужчина в пятом часу. Спрашивал вас, — едва открыв дверь, сообщила Александре квартирная хозяйка. — И телефон ваш спрашивал. Я не дала. Спросила, как его зовут, а он будто не слышал и сказал, что попозже зайдет. Не понравился мне. Да входите же, нечего на лестнице стоять, и денег я через порог не возьму ни за что. Входите!

Александра переступила порог, и хозяйка тут же закрыла за ее спиной высокую створку старинной двустворчатой двери. Тщательно заперла оба замка, задвинула тугой засов. На ночь этот бастион из мореного дуба укреплялся также железными штырями, которые загонялись в отверстия под дверью, в паркет.

— Хотите кофе? — уже из кухни спрашивала хозяйка. — У меня как раз все готово...

— Юлия Петровна, я что-то устала, может быть, в другой раз... — Александра спустила с плеча ремень тяжелой сумки, поставила ее на пол и достала из кармана конверт. — Я принесла деньги за август.

— Ну и чудесно, — Юлия Петровна показала из кухни, в одной руке она несла дымящуюся джезву, в другой — мобильный телефон, с которым никогда

не расставалась. — Помогите-ка мне, откройте дверь... Выпейте чашечку кофе и отдохните минутку.

Александра больше не пыталась отказать от приглашения, хотя по опыту она уже знала, что эти «минутки» означают как минимум час, потерянный в пустых разговорах. Она вошла в комнату хозяйки и присела к круглому столу, на котором всегда валялись разбросанные карты для пасьянса, рекламные проспекты гипермаркетов, истрепанные книги, переложенные закладками и покрытые слоем пыли. Придвинув к себе налитую чашку и поблагодарив, она обвела взглядом уже знакомую обстановку.

Проведя большую часть жизни в среде художников, антикваров и коллекционеров, людей, чуждых условиям, часто равнодушных к быту, а иногда и полусумасшедших, Александра давно привыкла к необычным жилищам. Ей случалось бывать в сырых подвалах, где с низких потолков сочились крупные капли теплой воды, словно в бане, а на заросших плесенью стенах можно было увидеть погибающие картины баснословной стоимости. Художница могла припомнить дорогие квартиры в центре Москвы, обставленные старинной мебелью, давно заложенные банку, чьи хозяева, уже накануне выселения, никак не могли расстаться с коллекциями и уходили в никуда вместе со своими сокровищами. Блеск и нищета, безумие и мелочный расчет — все, что удивительным образом сочетается в себе мир коллекционеров, где так мало бесспорных ценностей, где одна и та же картина или вещь, переходя из рук в руки, стремительно дорожает и дешевеет — все это перестало ее удивлять. И потому, когда три месяца назад, подыскивая новую мастерскую, Александра

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛЕС

впервые вошла в комнату Юлии Петровны, сдававшей подходящее помещение, она вовсе не была удивлена.

Эта огромная комната с двумя окнами, выходящими в переулок, служила хозяйке спальней, столовой и гостиной одновременно. Между окнами темнел огромный буфет красного дерева, через стеклянные помутневшие дверцы которого можно было разглядеть разнокалиберный хрусталь и фарфор. Буфет, вне всякого сомнения, попал в квартиру по частям, так как его габариты превосходили даже внушительные дверные проемы, и в очень давние времена, когда водились грузчики-исполины, способные перетаскивать подобные вещи. Неизбежный круглый стол с полинявшим матерчатым абажуром над ним, разрозненные стулья, шкафы, книжные и платяные, чемоданы и коробки, громоздящиеся по углам, большое продавленное кресло, накрытое пледом, двуспальная кровать, на просторах которой тщедушная хозяйка коротала свои одинокие ночи, старинное трюмо до потолка, с зеленоватым пятнистым зеркалом, в котором Александра едва себя узнавала... И еще здесь были картины покойного мужа Юлии Петровны, некогда получившего эту квартиру от Союза художников под жилье и мастерскую. Картин Александра насчитала более сорока. Точное число было ей неизвестно, да оно ее и не интересовало — покойный художник был совершенно справедливо всеми забыт. Даже вдова, против обыкновения, не считала покойного мужа гением.

... Александра подула на кофе и сделала глоток. Юлия Петровна, присев к столу, открыла конверт и медленно, благоговейно пересчитала деньги, рассматривая каждую купюру.

АННА МАЛЫШЕВА

— Значит, это будет за август, — хозяйка принялась шарить по столу, переворачивая книги и брезгливо отряхивая испачканные в пыли пальцы. — Ни клочка бумаги, что за притча?.. Я ведь должна написать вам расписку...

— Да это ни к чему, — воспротивилась Александра. — Следующий платеж я вношу до десятого сентября, верно?

— Верно, — вздохнула Юлия Петровна, пряча деньги в карман стеганого атласного халата. Она зябко повела шуплыми плечами. День был жаркий, август выдался раскаленный, необыкновенно засушливый, но в комнате вдовы художника стояла приятная суховатая прохлада. — Ну, как вы, довольны мастерской? Я вас отлично устроила, сознайтесь?

Александра с готовностью «созналась». В самом деле, ей повезло. Еще в начале мая художнице казалось, что она неизбежно окажется на улице вместе со всем своим имуществом — книгами, холстами, мольбертами, подрамниками, ящиками с красками и чемоданами, набитыми бумагами. Девать все это было некуда, и некуда было деваться самой Александре, так и не нажившей собственной квартиры. Пятнадцать лет она жила в мансарде старинного особняка рядом с Соляной, занимая бывшую мастерскую своего покойного мужа. Официально у нее никаких прав на эту мансарду не было, так как мастерская была получена Иваном Корзухиным от Союза художников еще в незапамятные времена. Особняк, весь отданный под мастерские, давно уже был назначен под реконструкцию, которая откладывалась по разным причинам год за годом. Дом ветшал, никто его не чинил, естественным образом

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛЕС

исчезали удобства, сменяясь неудобствами, его обитатели съезжали один за другим, находя себе другие пристанища. Предпоследним уехал старинный приятель Александры, скульптор Стас. С ним же исчезла его прислуга, модель и нянька Марья Семеновна, грозная старуха с железными зубами и несгибаемым характером, последний гвоздь, на котором держались остатки порядка в доме, куда не осмеливались сунуться посторонние, несмотря на то, что дверь в подъезде не запиралась. Александра осталась одна, с извещением о начале строительно-ремонтных работ на руках. Она искала мастерскую, сперва поблизости, потом, уstraшенная ценами, на окраинах Москвы, затем в области. Но деньги у нее никогда не задерживались: если случалось заработать достаточную для съема сумму, она тут же таяла, расходясь на уплату старых долгов и покрытие необходимых нужд. Художница была готова впасть в отчаяние. Внезапно отыскался отличный вариант — вдова прочно забытого еще при жизни художника сдавала его мастерскую. Это была невероятная удача — просторное помещение со всеми удобствами для жизни и работы, с отдельным входом, на втором этаже старинного особняка, совсем рядом, через два переулка от того дома, где жила Александра. Прежний хозяин устроил себе эту мастерскую, разделив перегородкой квартиру, где жил с женой. В старинной квартире было два входа — парадный и «черный», а также два туалета и две ваннные комнаты в разных концах коридора. После того, как коридор наглухо перекрыли пополам перегородкой из гипсокартона, образовались практически две отдельные квартиры. В одной, куда попадали через парад-

АННА МАЛЫШЕВА

ное, существовала Юлия Петровна. Другую, с выходом на «черную» лестницу, занял художник. После его кончины вдова решила сдавать лишнюю жилплощадь. На первом этаже особняка располагались офисы двух загадочных фирм, занимавшихся неизвестно чем. Две высокие двери никогда не открывались, и Юлия Петровна уверяла, что никакого беспокойства от таких соседей нет. На площадке второго этажа, напротив Юлии Петровны, находилась дверь в другую жилую квартиру, но и она никогда не открывалась. По рассказам хозяйки, сразу за дверью была кирпичная кладка. Новый владелец квартиры отчего-то решил пользоваться только одним входом, со двора. Впрочем, купив квартиру, он в ней не жил, Юлия Петровна никогда его не видела. Дверь в парадное осталась для декорации и для инспекторов БТИ. Дом был тихий, мастерская удобная, хозяйка казалась не очень навязчивой. В мае Александре удалось получить в качестве гонорара за посредничество на аукционе значительную сумму. Юлия Петровна, имевшая горький опыт общения с художниками, требовала предоплату за три месяца вперед. Каким-то чудом Александре удалось внести деньги, и она переехала.

Помогал при переезде Стас, примчавшийся из Пушкино, где он снял мастерскую, и его неизменная спутница и муза, Марья Семеновна. Стас, обладавший brutальной внешностью потрепанного фавна, мигом очаровал хрупкую Юлию Петровну. Марья же Семеновна квартирной хозяйке страшно не понравилась. Впрочем, эта суровая старуха, круглый год щеголявшая в зимних сапогах, бархатной юбке до пят, мужском пальто и мушкетерской шляпе с перьями, ни

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛЕС

в ком не вызывала теплых чувств, и, вероятно, даже оскорбилась бы, если бы кто-то выказал к ней привязанность. Казалось, ей чуждо все человеческое, кроме лютой ревности, которой она отравляла жизнь своего подопечного. Великовозрастный скульптор, поклонявшийся женской красоте уже в силу своего призвания, был вынужден скитаться по мастерским друзей, чтобы встретиться с очередной пассией. Если Марья Семеновна его выслеживала и уличала, расправа была ужасной. Злые языки уверяли, что эта иссохшая в житейских невзгодах Галатее даже избивала своего жизнелюбивого Пигмалиона, особенно если он бывал не в форме после загула.

— Не забывай нас, если что, звони! — сказала Марья Семеновна Александре на прощание. — Все-таки не чужие. Столько лет вместе жили и мучились.

... Все вещи были уже перевезены из переулка в переулок на садовой тачке, добытой вездесущей нянькой скульптора неизвестно где. Марья Семеновна могла раздобыть решительно все, не покидая границ того квартала, где прожила долгие годы, где ее фантастическая фигура примелькалась настолько, что на нее больше не оборачивались. Уже зажглись фонари на растяжках между домами, пролив апельсиновый масляный свет на старинные лепные фасады, синее небо отодвинулось ввысь, сделалось строже и темнее, в ногах у редких прохожих путались их длинные черные тени. Квартирная хозяйка Александры ушла к себе, пожелав доброй ночи и бросив последний неприязненный взгляд на Марию Семеновну. Стас украдкой ускользнул за угол с виноватым видом, присущим котам, которые собираются что-то украсть, и пьяницам, которые норовят тайком приобрести бу-

АННА МАЛЫШЕВА

тылку. Александра заметила его маневр, но не выдала приятеля даже движением глаз. Марья Семеновна, несомненно, все чувствовала даже затылком, но не повернула головы и она.

— Звони, — повторила она с сухой, деревянной настойчивостью, в которой было невозможно заподозрить и тени сердечности. — Непокойна я за тебя. Вечно куда-нибудь ввяжешься.

— Я буду осторожна, — пообещала Александра. Из-за плеча Марьи Семеновны она видела Стаса, торопливой рысцой появившегося из-за угла. Как всегда, он совершил необходимые покупки молниеносно: в окрестных магазинах все знали и его, и его суровую няньку и потому обслуживали скульптора вне очереди. Если кто-то из покупателей у кассы пробовал возмутиться, Стас неизменно говорил: «Пардон, мне в аптеку!» И эта бессмысленная фраза действовала безотказно.

— Поехали, нам часа два тащиться, — с наигранной бодростью обратился к старухе Стас. — Александра, не унывай. Мысленно мы с тобой!

Художница провожала взглядом эти две знакомые фигуры, пока они не скрылись за углом. Стас, огромный, широкоплечий, шагал широко и размеренно, его буйные длинные кудри развевались на майском ветру. Марья Семеновна, угловатая и прямая, как арматурный остов для скульптуры, шла с ним в ногу, заложив руки чуть не по локоть в глубокие карманы потрепанного мужского пальто. Широкополая шляпа была лихо заломлена набок, облезшие петушинные перья торчали из нее, угрожая выколоть глаза прохожим. На углу Стас обернулся и помахал Александре. Марья Семеновна не обернулась.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛЕС

Закончился май, потянулось долгое лето — мертвый сезон для антикваров, время, когда люди охотнее тратятся на отдых, чем на картины и редкости. Аукционов почти не было, галереи и салоны пустовали. Александра перебивалась случайными мелкими заказами. Ее спасала огромная клиентская база, наработанная за годы, и прекрасная репутация. На жизнь хватало, но близился август — время внесения очередной квартирной платы. Нужно было приготовить деньги не позднее десятого числа.

Александра еще не составила мнения, повезло ей с квартирной хозяйкой или нет. Юлия Петровна существовала за своей перегородкой из гипсокартона почти бесшумно. Если им случалось увидеться, держалась с Александрой мило и любезно, как добрая соседка, зывала к себе на чашечку кофе, даже предлагала разложить для нее карты Таро, от чего Александра всякий раз вежливо отказывалась. Художница, со своей стороны, тоже вполне ее устраивала. Она не шумела, не устраивала банкетов по ночам, да и днем ее навещали только заказчики или знакомые. «Повезло мне или нет, мы узнаем, если я не смогу внести аренду десятого августа!» — с горькой иронией думала иной раз Александра.

К счастью, как раз в начале августа ей принесли на реставрацию несколько миниатюр с батальными сценами Крымской кампании. Работа была срочная, владелец надеялся успеть отослать миниатюры на крупный аукцион и потому платил двойную цену. Александра выполнила заказ в срок и сразу отложила деньги для хозяйки — те самые деньги, которые сейчас покоились в кармане атласного халата Юлии Петровны.

— Не понравился он мне, — повторила Юлия Петровна, поднося чашку к тонким, слегка подкрашенным лиловой помадой губам. Она вообще предпочитала лилово-фиолетовую часть цветового спектра, как отметила Александра. Ее завитые волосы были совершенно неестественного цвета — раздавленной черники с молоком. Тени на увядших веках — две жирные, блестящие сиреневые полоски. Была ли это осознанная экстравагантность или механическое копирование давно ушедшей моды, но Юлия Петровна даже во дворе у мусорного контейнера появлялась при полном фиолетовом параде.

— Еще кофе? — не дожидаясь согласия Александры, хозяйка наполнила ее полупустую чашку почти до краев. — Я вижу, вижу, что вам на месте на сидится. Ну, поскучайте со мной немного!

Последние слова она произнесла жеманно, нараспев. Александра украдкой бросила взгляд на старинные напольные часы в углу у окна. Бронзовые стрелки показывали четверть восьмого. За день переулочек раскалился, и сейчас, ближе к вечеру, когда жара спадала, все отдавало жар, съедая остатки свежего воздуха: каменная кладка особняков, тесно прижавшихся друг к другу, тротуары, мостовые, крыши машин. Складки тюлевых занавесок, закрывавшие проемы распахнутых окон, не шевелились. Ветра не было.

Двухэтажный особняк, в котором художница сняла мастерскую, был выстроен в середине девятнадцатого века. Первый этаж был выложен из кирпичей, а второй, где располагалась квартира Юлии Петровны, из массивного бруса. Снаружи особняк был оштукатурен

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛЕС

и выкрашен в блекло-розовый цвет. Вдова художника не раз сообщала Александре, что раньше особняк был зеленого цвета.

— Они совершенно исказили облик переулка... — вздыхала Юлия Петровна. — Еще разрешили выстроить козырек над входом в ресторан, на углу... Там никогда не было козырька и ресторана тоже не было. Там был замечательный писчебумажный магазин. А на фасаде дома напротив была такая чудесная лепнина! Модерн... Ее должны были отреставрировать и восстановить. Но то, что получилось в результате... Весь этот крашенный пластик... Мещанство... Ужас.

Она безнадежно махнула худой рукой, мелькнувшей из складок халата, и внезапно, по своему обыкновению, сменила тему:

— В общем, я тому мужчине просто рассказала, как вас найти. Объяснила, что вход через подворотню, первый подъезд слева со двора. Надеюсь, он найдет, на втором этаже всего одна дверь, ваша. Вы не в претензии на меня?

— Ничуть, — заверила ее Александра. — Наверное, ко мне направили заказчика, или он сам меня нашел. Я перед выездом наклеила на двери старой мастерской объявление с новым адресом. А вот свой телефон для справок написать не догадалась... Боюсь, все будут беспокоить вас, ведь официально квартира три — это ваша дверь...

— Дорогая, да и не стоит писать свой телефон где попало, мало ли кто может его узнать! — воскликнула Юлия Петровна. — Сейчас столько телефонных мошенников, я только что про это читала. Если вас будут искать заказчики, я их сориентирую. Мне совсем